

ГЕНИЙ И БЕЗУМИЕ: ИЗ ИСТОРИИ ИДЕИ*

© 2000 г. И. Е. Сироткина

Канд. психол. наук, ст. науч. сотр. МИЭТ

В историческом плане представлены попытки специалистов различных областей знания связать гениальность с какими-то особенностями мозговой и психической активности. Описываются две основные точки зрения. Первая – природа гения иррациональна, что сближает его с душевнобольными. Вторая точка зрения – гениальность связана не с патологией, а с более глубоким и нетрадиционным видением мира.

Ключевые слова: гениальность, евгеника, душевнобольные, психология способностей.

Настоящим гимном безумным гениям заканчивается книга Мишеля Фуко “История безумия в эпоху классицизма”¹. После того, считает он, как в восемнадцатом веке безумие было заключено в желтые дома и лишено своего голоса, всякой возможности выражения, оно могло проявить себя только в работах великих безумцев – Гельдерлина, де Нерваля, Ницше или Арто. “Нередуцируемое к диагнозам и приемам лечения, сопротивляющееся всей своей мощью той гигантской моральной тюрьме, которую принято называть... освобождением душевнобольных Пинелем и Тюком”, безумие открыло миру такие экзистенциальные глубины, которые не может постичь разум².

В этом смысле книга Фуко – один из последних мощных отзвуков романтизма. Романтики конца восемнадцатого века противопоставили рациональному и упорядоченному гению классицизма “безумного гения” – воплощение неподконтрольной разуму творческой силы, родственной природной стихии. При этом романтики, в свою очередь, возродили более древнее понятие “божественной болезни”, или “меланхолии”, которую в античности считали благословением богов. С тех пор “*Nomo melancholicus*”, который, в зависимости от определенного баланса гуморов – телесных жидкостей – мог быть либо безумцем, либо поэтом, стал предметом внимания философов и врачей³. В девятнадцатом веке “*Nomo melancholicus*” превратился в объект психиатрии и психологии, а в двадцатом его присутствие, хотя и более скрытое, обнаруживается даже в исследованиях одаренности и креативности. Добавить историческое измерение в область психологии и психиатрии, знакомую под названием “гений и безумие”, призвана настоящая статья.

Патографии. Когда Сократа спрашивали, в чем секрет его мудрости, он отвечал, что мысли к нему приходят в разговоре с его личным божеством, которое называли “гением” или “демоном”. В девятнадцатом веке французский врач Л.-Ф. Лелю (1804–1877) посчитал “демона” Сократа ничем иным, как галлюцинацией. Немного позже он же написал книгу о галлюцинациях, якобы испытываемых Блезом Паскалем⁴. Лелю положил начало целому жанру психиатрической литературы, который особенно расцвел в конце девятнадцатого и двадцатом веках. Его немецкий коллега, П.-Ю. Мебиус, дал этому жанру имя патографии – такого описания жизни выдающегося человека, центральное место в котором занимает история его болезни⁵. Работы данного автора о Гете, Шопенгауэре, Шумане, написанные на рубеже веков, задали образцы подобной литературы. Вслед за этими появились другие патографические исследования предполагаемых болезней Альфреда Мюссе, Ги де Мопассана, Эдгара По, Гюисманса, Флобера, Шатобриана⁶.

Жанр патографии приобрел особую популярность в странах, где влияние литературы на жизнь общества было традиционно сильным, как, например, во Франции и России. В России, где, по выражению Н.Г. Чернышевского, литература была подчас единственным общественным форумом и заменяла отсутствующие философию, социологию, науки о человеке, статус писателей был чрезвычайно высок⁷. Их жизнь находилась в центре внимания самой широкой публики, поэтому, сделав писателей объектом своих исследований, психиатры немедленно получали читательскую аудиторию. Изучая реальные или предполагаемые болезни отечественных гениев, психиатры и психологи завоевывали авторитет у публики и повышали престиж своих профессий. Российские психиатры обратились к описанию болезней Достоевского, Гоголя, Гаршина – писа-

* Статья написана при поддержке РГНФ (код проекта 97-06-08088).

телей, чье влияние в обществе было особенно велико⁸.

Своеобразный интерес к писателям и великим людям вообще не угас и после революции. Авторы патографий получили в свое распоряжение целый журнал – “Клинический архив гениальности и одаренности” – который с 1925 по 1929 г. издавал на Урале психиатр Г.В. Сегалин (1878–1960). Он сам – конечно, заочно – диагностировал “аффективную эпилепсию” у Л.Н. Толстого, а его коллеги публиковали в журнале работы о психопатологиях Леонида Андреева, Скрябина, Горького, Есенина⁹. Самые радикальные и, как тогда одобрительно говорили, “задиристые” психиатры поднимали руку на тех, чье душевное здоровье было вне подозрений, более того, на тех, кого считали идеалом человека – Христа и Пушкина¹⁰.

Как и более ранние патографии, работы “новых левых” психиатров вызвали критику. Вопрос о здоровье или болезни знаменитого человека всегда очень остр, и любые мнения по этому поводу, вне зависимости от того, насколько авторитетен и объективен их источник, оценочны и полемичны. Психиатрам, утверждавшим, что Гоголь и Пушкин были душевно неуравновешенными, отвечали их же коллеги, настаивавшие на абсолютном здоровье признанных гениев¹¹. Один из критиков, Н.В. Попов, обвинил автора статьи о психопатии Пушкина в желании “во что бы то ни стало произвести гениального поэта в душевно-ненормальные, с непониманием и искажением его светлого образа”. Он же писал по поводу статьи психиатра о М.А. Врубеле, что после ее прочтения “остаётся какое-то тягостное, грустно-недоумевающее чувство, какой-то осадок грязного, нехорошего – не по отношению к Врубелю, а по отношению к людям, которые так тщательно и кропотливо копаются в чужих несчастьях, хотя бы во имя науки”¹².

Критика патографий постоянно наталкивалась на аргумент о том, что моральные оценки в науке неуместны. Один из лидеров советской психиатрии, П.М. Зиновьев, считал, что при оценке психического состояния Пушкина, как и других великих, “надо... отрешиться от элементов морального осуждения, которые, к сожалению, вкладываются в понятие психопатии не только лицами, несведующими в психиатрии, но и некоторыми психиатрами”¹³. Но отрешиться было трудно. Поэтому даже врачи, обсуждая недуги выдающихся людей, пытались смягчить грозно звучащие диагнозы, заменяя “эпилепсию” или “психопатию” на более приемлемые для общественного мнения “неврозы” в их позднем, фрейд-овском понимании¹⁴.

Так, в отличие от Сегалина, который, как было сказано выше, поставил Льву Толстому диагноз

“аффективная эпилепсия”, психиатр и психоаналитик Н.Е. Осипов (1877–1934) приписывал Толстому “невроз боязни”. Их коллега М.О. Вульф приветствовал более правильный с его точки зрения диагноз Осипова. В описанных Осиповым “симптомах” Вульф предпочитал видеть не признаки болезни, а свидетельства пережитых Толстым душевных кризисов. “Для гениев – писал Вульф – должна быть особая мера”. Конфликты Толстого “особого разряда, лежат в другой плоскости, являются результатом не неудавшегося приспособления к действительности, а невозможности для его “я”, для всей личности примириться с этой действительностью”. “Я чувствую – заключал он – какую-то ложь в этой вечной патографии гениев на основании внешнего сходства только симптомов”¹⁵.

Несмотря на критику, популярные у читателей патографии продолжали и продолжают выходить как за рубежом, так и в России¹⁶. На Урале переиздали некоторые работы Сегалина и других авторов “Клинического архива”¹⁷. Психиатров, как и прежде, привлекает возможность в патографиях обращаться к более широкой аудитории, обсуждать вопросы, имеющие публичный, а не только узкопрофессиональный интерес. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что попытки психиатров и психологов практиковать свои знания на знаменитостях будут продолжаться, пока существуют психиатрия и психология. Но в наше время читатель вправе ожидать от авторов патографий осознания проблем и противоречий этого имеющего долгую историю жанра¹⁸.

Гений и болезнь. Авторы патографий свою задачу видели в описании “истории болезни” знаменитости, анализе индивидуального случая, скорее чем в доказывании существования причинной связи между талантом и болезнью. Действительно, в патографиях могли встречаться случаи как положительного, так и отрицательного влияния душевной болезни на жизнь и творчество их героев. Вопрос о том, как болезнь сказывается на творчестве и способна ли она вызывать к жизни выдающиеся достижения в науке или искусстве, оставался за рамками патографии¹⁹.

Тем не менее, этот вопрос имел долгую историю. Еще Платон говорил об “энтузиазмосе” – мистическом духе, которого боги посылают избранныкам; боговдохновенный безумец становился пророком или поэтом. Когда романтики периода “бури и натиска” называли себя “безумцами”, они хотели сказать, что в них живет упоминаемый древними “божественный огонь”, что их творчество питается интуитивными, иррациональными силами. Как замечает английский историк Рой Портер, романтики при этом не ведали, что творят. Их “божественную болезнь” в девятнадца-

том веке психиатры превратили в медицинский диагноз²⁰.

Романтики пробудили у философов, а затем у естествоиспытателей чувствительность к проемам творчества и тем состояниям, которые ему способствуют, а именно к выявлению особенностей самой творческой личности. Возможно, с этим был связан интерес врачей к действию “наркотиков” – чая, кофе и, конечно, привозимого с таинственного Востока гашиша, который вызывал странные, подобные безумию состояния²¹. В середине девятнадцатого века французский психиатр Ж.-Ж. Моро (1804–1884), сопровождая своего богатого пациента, побывав в Палестине и Сирии. Вскоре он издал во Франции работу о применении гашиша в медицине, а затем написал труд о других “измененных состояниях” – неврозах и их якобы положительном влиянии на интеллектуальные способности²². Именно эта книга положила начало дискуссии о “безумных гениях” в научном сообществе: ответ на нее написал физиолог Пьер Флуранс, известный своими работами о коре мозга. Он категорически отрицал, что гений – результат психической патологии²³.

Итальянский профессор психиатрии Чезаре Ломброзо (1835–1909) знал, что в древнейших языках мира – иврите и санскрите – слово “безумец” синонимично слову “пророк”²⁴. Пять лет спустя после выхода книги Моро он опубликовал собственное исследование вопроса о “гении и безумии”²⁵. Эта книга вызвала еще большую сенсацию, выдержала множество изданий и была переведена на многие языки. Увлеченный только что входившей в моду теорией эволюции, Ломброзо спекулировал проблемами об обратном развитии и “низшем” типе, к которому принадлежат такие “аномалии”, как гений, преступник и душевнобольной²⁶. Этот тип якобы отмечен особой ямкой на черепе и предрасположен к эпилепсии. Эпатирующая фраза Ломброзо – “гений – это эпилепсия” – стала известна всему западному миру.

Уравняв гения с эпилепсией, Моро и Ломброзо шокировали большинство своих коллег, не говоря о широкой публике. В девятнадцатом веке эпилепсия считалась симптомом глубокого физического и психического вырождения. Но и те психиатры, которые отвергали возможность поставить гениям диагноз “эпилепсия”, не отказывались от мысли, что гений отличается “специальной психической организацией”, представляет своего рода биологическую “аномалию”. Они лишь не решались сбрасывать гения с возведенного человечеством пьедестала, говоря: “умалишенный стоит ниже остального человечества... гениальный человек – выше его”²⁷.

Эти психиатры пытались подобрать другой, менее компрометирующий, диагноз на роль якобы провоцирующей творчество болезни. Так по-

ступил, например, Н.Н. Баженов (1857–1923), который связал подъем творческой активности не с эпилепсией, а с “функциональными психозами”²⁸. Он настаивал на том, что только при легком течении эта болезнь может стимулировать творчество, при более тяжелых формах она его разрушает. Одними из распространенных “психопатологических состояний, способствующих возникновению талантов” (название его доклада), Баженов и другие психиатры считали маниакальную фазу так называемой “периодической меланхолии”. Немногим позже немецкий психиатр Эмиль Крепелин выделил эту болезнь под названием маниакально-депрессивного психоза, ничего, однако, не сказав о ее возможной связи с творчеством. Тем не менее, уже в наши дни появились работы с аргументами в пользу того, что маниакально-депрессивный психоз близок состоянию, лежащему в основе любой творческой деятельности²⁹.

Как отмечает исследователь творчества душевнобольных Дж. Мак-Грегор, тот факт, что, несмотря на критику, идея о болезни как источнике творчества не умерла, говорит о глубоко сидящем в душе современного человека романтизме³⁰. Успех книги американской исследовательницы Кей Джеймисон с романтическим заглавием “Опаленные огнем: маниакально-депрессивная болезнь и артистический темперамент” определяется отчасти тем, что в ней эксплуатируется стереотип поэта-безумца, человека не от мира сего, существа странного, но возвышенного³¹. Не последнюю роль играет личность самого автора, которой в свое время был поставлен диагноз МДП. Несмотря на это, Джеймисон смогла стать врачом-психиатром и сейчас утверждает, что болезнь пробудила в ней творческие способности. Ее пример дает надежду страдающим психическими болезнями, этим обусловлены и популярность ее книги, и частое присутствие автора на экране телевизоров и в прессе.

Хотя со времени описания работ Ломброзо прошло более века, современные авторы добавили мало нового как к его гипотезам, так и к методологии исследования. Как пишет сама Джеймисон, ее целью было показать существование “связи, или даже области пересечения между двумя темпераментами – артистическим и маниакально-депрессивным, – а также их соотношение с природными ритмами и циклами”³². Исследовательница считает, что диагноз МДП – это ярлык, который психиатры считают наиболее подходящим для тех переживаний и меняющихся настроений, которые обычно в нашем представлении связаны с художественным и литературным творчеством. Она тщательно подбирает примеры, отыскивая в художественном творчестве и мемуарах писателей и художников описания частых перемен настроения, навязчивых идей, боязни сойти с ума,

мыслей о самоубийстве, пристрастия к алкоголю и наркотикам, мотовства – тех особенностей, которые считаются симптомами МДП. Кроме того, она видит сходство между артистическим темпераментом и МДП в сезонных колебаниях настроения. Обе гипотезы Джеймисон берется доказать путем анализа биографий, а также опроса современных художников и литераторов.

Эти работы, однако, не убеждают тех, кто считает, что талант никак не связан с болезнью. Возражая зачинателю жанра патографии П.-Ю. Мебиусу, немецкий психотерапевт Леопольд Левенфельд еще в начале века писал, что причинной зависимости между гением и болезнью не существует и приводил списки тех гениев, в здоровьи которых трудно усомниться³³. Методология исследований в духе Ломброзо часто подвергалась критике. Вызывала сомнения, во-первых, практика постановки диагноза давно умершим людям, а во-вторых, организация исследования и анализ данных. Критики упрекают тех, кто берется эмпирически доказать связь между гением и болезнью в том, что их выборки недостаточно велики, что вместо статистического анализа применяется простой подсчет случаев, а в экспериментальных исследованиях отсутствуют контрольные группы. Заявляя, что методология таких исследований отстает от современных требований науки, критики утверждают: их авторами руководит изначальная уверенность в существовании связи между талантом и болезнью³⁴.

Несдающиеся сторонники Ломброзо пытались и пытаются защищаться. Так, в начале века, вместе с развитием биологии и проникновением в нее статистических методов, встал вопрос о том, чтобы проверить предполагаемую связь таланта и душевной болезни анализом наследственности, полевыми исследованиями и более изощренной статистикой.

Психопатическая наследственность гения. Когда психиатры в девятнадцатом веке называли гениальность болезнью, вопрос о том, является ли эта болезнь наследственной, они оставили в стороне. Только Ломброзо высказался более определенно: он верил в наследственность того патологического типа, к которому принадлежат гении, преступники и душевнобольные. Но лишь с распространением идей Георга Менделя и возникновением генетики вопрос о наследственности качеств приобрел научную респектабельность. За его исследование взялись биологи и врачи, в особенности сторонники евгенического движения – те, кому знания о наследуемости были нужны в практических целях улучшения человеческого рода. Как утверждал один из основателей евгеники в Англии К.В. Саллеби, “производить потомство должны гений и святой, спортсмен и художник, а не преступник, слабоумный, немощный че-

ловек и обыватель”³⁵. Многие, в том числе и врачи, склонялись к мнению, что гений, хотя бы и больной, лучше здоровой посредственности, призывая “культивировать” гениев – и в смысле их “выращивания”, и “культы”³⁶. Движение за евгенику было очень широким и породило лавину исследований наследственности.

В начале века немецкий психиатр Вильгельм Стромайер начал исследование психической патологии с помощью статистического анализа семейных родословных, а вскоре к исследованию подключился один из активистов впоследствии печально знаменитого Общества расовой гигиены, психиатр Эрнест Рюдин. Его интересовало наследование как “отрицательных”, так и “положительных” качеств – в том числе таланта. Так, по просьбе Рюдина, его российские коллеги составили генеалогические таблицы для Леонарда Эйлера, знаменитого немецкого математика, который долгое время работал в России³⁷. У российских психиатров и биологов были и свои проекты исследования родословных – ими были составлены таблицы с упоминанием появления наследуемых признаков, включая выдающиеся способности и душевную болезнь, для семей Толстых, Пушкиных, Волконских, Трубецких, Достоевских, Серовых, Фигнер, Скрябиных и многих других³⁸.

Не удовлетворяясь реконструкцией генеалогий старинных родов, евгеники наметили программу обследования своих современников. В заседаниях Русского евгенического общества (1920–1930) обсуждались собранные его членами материалы анкетирования музыкантов и ученых³⁹. Следуя гипотезе Ломброзо, в своих исследованиях евгеники обращали особое внимание на случаи душевной болезни в считавшихся талантливыми семьях. Психиатры Т.И. Юдин, А.Г. Гальчян изучили относительно недавнюю историю жизни Вс. М. Гаршина, в семье которого они нашли как вспышки таланта, так и душевной болезни⁴⁰. А основатель Петроградского Бюро по евгенике Ю.А. Филипченко заключил, что у талантливых людей больше душевнобольной родни, чем у обыкновенных, особенно с материнской стороны. Подкрепленный статистикой, этот вывод зазвучал особенно авторитетно⁴¹.

Именно на исследование Филипченко ссылался Сегалин, когда он сформулировал свой “био-генетический закон”. Согласно ему, гений – это результат скрещивания двух линий, одна из которых несет потенциальный талант, а другая, материнская линия, – наследственный психотизм и душевную ненормальность⁴². Механизм такой наследственности Сегалин не уточнял, но позже, познакомившись с работами генетиков, стал говорить о “сцеплении генов”. И хотя сами генетики критиковали Сегалина за непонимание зако-

нов наследственности и неграмотное употребление терминологии⁴³, он настаивал на том, что тезис о душевной болезни как обратной стороне гения получил, наконец, подтверждение со стороны генетики.

Понимание Сегалиным положительной, “творческой” роли болезни было противоположным евгенике. Ее сторонники соглашались, что связь таланта и душевной болезни существует, но смотрели на нее как на необходимое зло. Вызывая к жизни понятие об античном “демоне”, Эрнест Кречмер писал, что, хотя психическая болезнь может пробудить в человеке “искру гениальности”, она же ведет семью к вырождению⁴⁴. Гения сравнивали с “закатным солнцем, а не с утренней зарей”, так как считалось, что выдающиеся люди редко оставляют потомство, а немногие родившиеся дети обычно не талантливы⁴⁵. Швейцарский психиатр Огюст Форель видел выход в том, чтобы “нормализировать ... патологических гениев... при помощи евгеники”⁴⁶.

Сегалин, напротив, был уверен в том, что душевная болезнь может помочь рождению таланта⁴⁷. Проектом своей жизни он выбрал создание Института гениальности как центра исследований творчества. В прошлом, утверждал Сегалин, общество плохо обращалось со своими гениями, либо чрезмерно эксплуатировало их, либо давая погибнуть талантливым, но неприспособленным людям. Между тем, гении – самое большое достояние общества и при социализме должны быть окружены заботой. Но, чтобы правильно распоряжаться талантами, считал Сегалин, социалистическое государство нуждается в экспертизе ученых. Так как вопрос о творчестве, интуиции, вдохновении “весьма запутан”, то определять, “что есть талантливо, что нет”, должны специалисты. Сегалин предлагал создать новые науки – ингениологию – для всестороннего изучения творчества – и европатологию (“хорошую патологию”) – для исследования роли болезни в творчестве. Он также призывал развернуть практические меры по стимулированию творчества и помощи больным талантам, под шапкой “эстетико-творческой медицины”⁴⁸.

Институт гениальности должен быть организован на широкую ногу. Поскольку, писал Сегалин, “мозг и труп умершего даровитого человека не был объектом систематического изучения... Институту в первую очередь предстоит законодательным порядком декретировать обязательное вскрытие мозга всех без исключения выдающихся людей, а при надобности также вскрытие трупа с оставлением его в анатомическом музее гениального человека для посмертного изучения”⁴⁹. Научную программу изучения гениев Сегалин предлагал дополнить социальной, которая должна была включить открытие лечебниц и санаториев

для талантливых людей, а также “собесов гениального безумца”⁵⁰.

Проект Сегалина его современникам отнюдь не казался нереальным, о чем говорит тот факт, что московский невролог Г.И. Россолимо (1860–1928), директор основанного им Института детской неврологии, в 1921 г. организовал доклад Сегалина в Москве и помог образовать комиссию, готовую рассматривать проект⁵¹. Не были замыслы Сегалина из ряда вон выходящими и по сравнению с зарубежными научными проектами. Члены немецкого общества расовой гигиены, например, призывали к созданию базы данных о наследственности населения, в которую заносились бы все случаи психических болезней и исключительного здоровья, способностей к лидерству и других проявлений таланта. В том же 1921 г., когда Сегалин докладывал план Института гениальности, Э. Рюдин, возглавивший генеалогический отдел, начал с этими же целями составлять “полный список населения” страны, а еще пять лет спустя его отдел получил от Министерства внутренних дел Германии официальный статус и право пользоваться государственными и уголовными документами. В 1930 г. в руках немецких психиатров и государства были накоплены данные на 800 тысяч человек, и они приступили к задаче составления “психо-биограммы” на каждого жителя Германии, чтобы затем расклассифицировать всех по типологии Кречмера⁵².

Судьба евгеники хорошо известна – эта наука была подвергнута критике и моральному осуждению за расизм после Второй мировой войны⁵³. В Советском Союзе идеологические противоречия вокруг евгеники проявились и привели к официальному запрету еще раньше. В 1930 г. “Клинический архив одаренности и гениальности” прекратил существование, тогда же были закрыты Русское евгеническое общество и его журнал⁵⁴. Вкупе с евгеникой теории Ломброзо о наследственном преступном типе и больном гении могли упоминаться только критически. Психиатры сами отказались от ставшей политически опасной темы⁵⁵.

Ломброзо, когда его однажды упрекнули в том, что он своими диагнозами компрометирует выдающихся людей, в свою защиту писал: “не производит ли природа из похожих семян, на том же куске земли, крапиву и жасмин, аконит и розу? В таком совпадении нельзя обвинять ботаника”⁵⁶. В 1930-е гг. миф о политической нейтральности исследователей, изучающих гения “объективно”, как ботаник цветок, перестал существовать. Осознание идеологической подоплеки исследований и противоречий в постановке проблемы повлияли на то, что современные исследования генетической основы, общей для психической болезни и та-

ланта, ведутся в гораздо более скромных масштабах⁵⁷.

Психологический анализ гениальности. Еще в 1871 г. английский психиатр Генри Модсли в президентской речи на заседании Королевской медико-психологической ассоциации говорил, что, благодаря отличающей их оригинальности мышления многие душевнобольные внесли вклад в культуру. По словам Модсли, "они часто избирали боковые ответвления мысли, которые люди с более стабильным интеллектом не замечали, и, настойчиво следуя этими путями, открывали новые соотношения вещей"⁵⁸. В этой похвале психиатра душевнобольным сказалось постепенное изменение взгляда на душевную болезнь: если в первой половине девятнадцатого века ее определяли только негативно, как потерю разума, то на рубеже веков пробудился интерес к душевной болезни как особому состоянию, которое может быть охарактеризовано в положительных терминах. Этот интерес отразился во внимании к продуктам творчества душевнобольных.

Неудивительно, что Ломброзо, считавший талант сродни душевной болезни, одним из первых начал собирать образцы художественного творчества своих пациентов. Существовали такие коллекции и в старейшей психиатрической больнице Лондона – Бедламе, и в Париже у доктора Огюста Мари, и в Москве – собранные неврологом Г.И. Россолимо и врачом университетской психиатрической клиники Ф.Е. Рыбаковым. Нашлись исследователи, которые подошли к продукции душевнобольных серьезно, методами искусствоведческой критики вскрывая стоящие за этими работами особый язык, особую систему символизации. Ломброзо, например, отмечал общую для психиатрических пациентов и для художников "оригинальность ассоциаций – причудливые сравнения и метафоры – и символизм – передачу чувств и настроений с помощью аллегорий и символов"⁵⁹.

"Инаковость" искусства душевнобольных была подчеркнута сравнением, которое Ломброзо произвел с искусством так называемых "примитивных" народов Африки и Азии. Это хорошо соответствовало его гипотезе, согласно которой художники и душевнобольные – представители одного и того же более примитивного, чем современный человек, типа. Подобно Ломброзо, французский критик Марсель Режа (предполагают, что это псевдоним врача Поля Менье) искал в работах душевнобольных "элементарные" формы искусства, надеясь проследить их постепенное усложнение в произведениях гениев⁶⁰. И в художественной продукции, и в мышлении душевнобольных стали замечать особенности, свойственные описанному антропологами "архаическому" типу мышления, который якобы отличается от

рационального игнорированием логических правил и непониманием абстракций. Согласно российскому психиатру П.И. Карпову, "гению присуща возможность заключения по недостаточному количеству признаков, и этот механизм мышления обогащает науку, искусство и технику". Этот же освобождающий от рамок обыденности тип мышления, считал Карпов, свойствен душевнобольным⁶¹.

Со времени выделения Е. Блейлером диагноза "шизофрения" описанную "оригинальность мышления" душевнобольных стали считать особенностью именно этого заболевания⁶². Психологи и психиатры пытались выделить и охарактеризовать "шизоидный" тип мышления, а также найти следы его присутствия в произведениях искусства. Карл Ясперс заметил, что, начиная с девятнадцатого века, "великие безумцы" чаще всего оказывались больными именно шизофренией. Гельдерлин, Жерар де Нерваль, Вацлав Нижинский, Антонен Арто, Ван Гог и Август Стринберг – все они, предположительно страдавшие шизофренией, были зачинателями новых направлений в искусстве⁶³. Все более обростающая мифологией, шизофрения в двадцатом веке становится синонимом безумия вообще и принимает на себя функции, которые понятия безумия выполняло в культуре прошлых веков. Некоторые авторы даже считают шизофрению и приписываемые ей когнитивные и эмоциональные особенности моделью всего современного общества – общества изолированных друг от друга, эмоционально холодных индивидов с изоширенной рефлексией⁶⁴.

Наряду с этим, обратная точка зрения, что гений не имеет ничего общего с патологией, сохраняет свои позиции. "Между наиболее успешным и здоровым типом мышления – творческим – и наиболее обедненным патологическим типом – психотическими процессами, – пишет психиатр Альберт Ротенберг, – пролегает тонкая, но совершенно определенная граница". Считая идею о гении и безумии устаревшим предрассудком, Ротенберг говорит о том, что творческое мышление опирается на абсолютно здоровые процессы, которые он называет "янусовыми". "Янусовы процессы" – это способность посмотреть на вещи с разных сторон, видеть обе стороны медали. В своих экспериментах с нобелевскими лауреатами, творческими и нетворческими студентами, душевнобольными Ротенберг нашел, что "янусово" мышление отмечается только у первых двух групп и отсутствует у двух последних. Так как Ротенберг считает "янусовы процессы" сугубо рациональными, он полагает, что ему удалось опровергнуть романтический стереотип об иррациональной природе гения, сближающей его с душевнобольным⁶⁵.

Неразрешимая проблема. Хотя ей уже полтора столетия, проблема о родстве или хотя бы внешнем сходстве гения и душевнобольного до сих пор не разрешена. От патографий, исследований патологической наследственности гениев и поиска психологических черт, якобы общих для гения и душевнобольного, остается впечатление замкнутого круга. Как это было пятьдесят и столет тому назад, и в наши дни борются два диаметрально противоположных взгляда на связь между гением и болезнью. Конечно, сами категории, о которых идет речь, поменялись, модернизировались. Вместо гения теперь говорят об одаренности, творческих способностях или креативности, вместо безумия – уточняют диагноз. Однако, как и прежде, точки зрения в дискуссии определяются романтическими или рационалистическими склонностями участников. “Романтики”, подобно Фуко, объединяют гений и безумие как две стороны глубинной правды жизни, побеждающей разум. Другие, отстаивая позиции разума, отвергают связь гения и болезни на том основании, что она компрометирует достижения цивилизации и разума.

Но дилемма “больной/здоровый гений” сохраняется лишь в тех областях, где проблема ставится в одной – медико-психологической – плоскости, исключая социальное и историческое измерения. Исследователи, которым удается выйти за пределы медико-психологического анализа, предлагают совсем иной взгляд на проблему. Карл Ясперс, например, считал, что связь гения и безумия возникает исторически как часть ролевых ожиданий, которые общество предъявляет художникам и поэтам. Эти ролевые ожидания впервые сложились в античности и получили новый импульс в эпоху романтизма, когда гению было дано новое по сравнению с классицизмом определение. Ясперс пишет о том, что в то время как современные ученые, бухгалтеры и инженеры должны проявлять качества объективности, разума и эмоциональной стабильности, от художников и поэтов ожидают других качеств – интуиции, игры воображения, чувствительности, темпераментности и экспрессивности, иными словами, проявлений “безумия”. “Безумные гении”, по Ясперсу, – те, кто лучше всего отвечает этим ожиданиям; их общество награждает славой.

Перефразируя Дж. Оруэлла, можно сказать, что этим людям “розданы маски, и их лица вырастают под размер”. Поэтому, считает Дж. Беккер, посвятивший дилемме “гений и безумие” специальную книгу, исследователи гения/одаренности/креативности только выиграют, если больше внимания станут уделять небологическим детерминантам, отвечающим за ассоциацию гения и болезни.

КОММЕНТАРИИ

- 1 Последние слова Фуко в “Истории безумия” – о “новом и хитроумном триумфе безумия” над тем миром, который верит в возможность измерить безумие с помощью психологии, но на деле сам измеряется работами великих безумцев – Ницше, Ван Гога, Арто.
- 2 *Foucault Michel*. Histoire de la folie à l'âge classique. Paris: Gallimard, 1972. P. 530.
- 3 *Becker George*. The Mad Genius Controversy: A Study in the Sociology of Deviance. Beverly Hills. Sage, 1978.
- 4 *Louis-François Lélut*. L'Amulette de Pascal pour servir à l'histoire des hallucinations. Paris. Baillière, 1846.
- 5 Забывая о более ранней истории, наши современники приписывают создание жанра З. Фрейду, ошибочно считая первой патографией его работу о Леонардо да Винчи. (См., напр., *Anne Hawkins*. The two pathographies. A study in illness and literature // J. of Medicine and Philosophy. 1984. № 9. P. 231–252.)
- 6 *Odinot Raoul*. Etude médico-psychologique sur Alfred de Musset (докт. дис., Лион, 1906); *Zacharie Lacassagne*. La folie de Maupassant (докт. дис., Тулуза, 1907); *Carrère B*. Dégénérescence et dipsomanie d'Edgar Poe (докт. дис., Тулуза, 1906); *Lavaleé G*. Essai sur la psychologie morbide de Huysmans (докт. дис., Париж, 1917); *Michaut Paul* La mort de Flaubert; Un livre à écrire sur Gustave Flaubert // La chronique médicale. 1990. V. 7. P. 703–704; *Segaloff Tim*. Die Krankheit Dostojewskys // Grenzfragen der Literatur und Medizin / Ed. Ramer S., MD. Munich, 1907. V. 5; *N. Bajenoff*. Gui de Maupassant et Dostoiewsky // Etude de psychologie comparée. Lyon. A. Storck, 1904.
- 7 Цит. по: *Pipes Richard*. Russia under the Old Regime. New York: Charles Scribner's Sons, 1974. P. 278–279.
- 8 *Segaloff Tim*. Die Krankheit Dostojewskys // Grenzfragen der Literatur und Medizin / Ed. Ramer S., MD. Munich, 1907. V. 5. *Чиж В.Ф.* Болезнь Н.В. Гоголя. М., Кушнерев, 1904; *Баженов Н.Н.* Болезнь и смерть Гоголя. М., Кушнерев, 1902; *Баженов Н.Н.* Душевная болезнь Гаршина. М., 1904.
- 9 *Галант И.Б.* К суицидологии Максима Горького и “Pseudologia phantastica” у Максима Горького // Клинический архив гениальности и одаренности. 1926. № 3. С. 207–208 и 211–217; *Галант И.Б.* Психопатологический образ Леонида Андреева // Клинич. архив. 1927. № 2. С. 147–165; *Гриневиц В.С.* К патографии Сергея Есенина // Клинич. архив. 1927. № 1. С. 82–94; *Сегалин Г.В.* Европатология личности и творчества Льва Толстого // Клинич. архив. 1929. № 3–4. С. 5–148.
- 10 *Милиц Я.В.* Иисус Христос – как тип душевнобольного // Клинич. архив. 1927. № 3. С. 242–252; *Милиц Я.В.* К патографии А.С. Пушкина // Клинич. архив. 1925. № 2. С. 29–46; *Галант И.Б.* Эвроэндокринология великих русских писателей и поэтов. Пушкин // Клинич. архив. 1927. № 1. С. 19–65.
- 11 *Трошин Г.Я.* Гений и здоровье Н.В. Гоголя // Вopr. философии и психол. 1905. № 1. С. 37–82; № 2. С. 187–249; № 3. С. 333–383. *Чиж В.Ф.* Пушкин как идеал душевного здоровья. Отд. оттиск из Ученых записок Императорского Юрьевского университета

- (Юрьев, Маттисен, 1899) (О дискуссии между сторонниками и противниками психиатрической оценки писателей см. *Сироткина И.Е.* "Здоровье и болезнь Пушкина. Страницы из истории российской психологии и психиатрии" // *Вопр. психол.* (в печати).)
- 12 *Попов Н.В.* К вопросу о связи одаренности с душевной болезнью (по поводу работ доктора Сегалина и других) // *Русский евгенический журнал.* 1927. № 3–4. С. 133–151 (149–150).
  - 13 *Зиновьев П.М.* О задачах патографической работы // Памяти П.Б. Ганнушкина. Труды психиатрической клиники 1-го Московского медицинского института. М.–Л.: Гос. изд. биол. и мед. лит-ры, 1934. Вып. 4. С. 411–416.
  - 14 Из-за небольшого объема в статье не будет рассматриваться вопрос о психоаналитической интерпретации творчества как сублимированного невроза. Замечу только, что современники Фрейда ясно видели преемственность между психоаналитическим взглядом на творчество и гипотезой Ломброзо. См., напр.: *Лазурский А.Ф.* Классификация личности / Под ред. Басова М.Я. и Мясищев В.Н. Петроград: Гос. изд-во, 1922. С. 224.
  - 15 О работах Осипова и его переписке с Вульфом см. *Сироткина И.Е.* Из истории русской психотерапии. Н.Е. Осипов в Москве и Праге // *Вопр. психологии.* 1995. № 1. С. 69–81.
  - 16 Только между 1960 и 1984 гг. были опубликованы десятки сотен работ о болезнях выдающихся людей. См.: *Schioldann-Nielsen Johan.* Famous and Very Important Persons. Medical, Psychological, Psychiatric Bibliography, 1960–1984. Odense University Press, 1986.
  - 17 См.: *Южаков В.Н.* Патография как забытый аспект социокультурных исследований в психиатрии // *Независимый психиатрический журнал.* 1994. № 3. С. 55–63.
  - 18 *Лернер В.И., Вицтум Э., Котиков Г.М.* Болезнь Н.В. Гоголя и его путешествие к святым местам // *Независ. психiatr. журн.* 1996. № 1. С. 63–71; *Шувалов А.В.* Патографический очерк о Данииле Хармсе // *Независ. психiatr. журн.* 1996. № 2. С. 74–78.
  - 19 См.: *Сироткина И.Е.* Понятие "творческая болезнь" в работах Н.Н. Баженова // *Вопр. психол.* 1997. № 4. С. 104–117.
  - 20 *Porter R.S.* A Social History of Madness: Stories of the Insane. London: Routledge, 1987.
  - 21 *Berridge Virginia, Griffith Edwards.* Opium and the People: Opiate Use in Nineteenth-Century England. London: Allen Lane/St Martin Press, 1981.
  - 22 *Moreau (de Tours) J.-J.* La psychologie morbide dans ses rapports avec la philosophie de l'histoire, ou de l'influence des névropathies sur le dynamisme intellectuel. Paris: Masson, 1859.
  - 23 *Flourens Pierre.* De la raison, du génie et de la folie. Paris: Garneer Frères, 1861.
  - 24 *Lombroso Cesare.* The Man of Geniis. London: Walter Scott, 1891. P. XI.
  - 25 *Lombroso Cesare.* Genio e folia. 1864. В 1888 г. вышло переработанное издание под названием *L'uomo di genio*. На русский язык книга была переведена как *Гениальность и помешательство. Параллель между великими людьми и помешанными*: Пер. К. Тетюшиновой. С.–Пб.: Ф. Павленков, 1892.
  - 26 О Ломброзо и криминальной антропологии см.: *Gould S.J.* The Mismeasure of Man. New York and London: W.W. Norton, 1981.
  - 27 *Puise Шарль.* Гениальность и помешательство: Пер. И. Юровского. Одесса: Исакович, 1893. С. 32.
  - 28 *Bajenoff N.* Les éléments psychopathologiques de l'imagination créatrice. Второй международный конгресс по признанию душевнобольных. Москва, 26–29 декабря 1913 г. // *Вопросы психиатрии и неврологии.* 1914. № 1. С. 13–25.
  - 29 *DeLong G. Robert, Aldershof Ann L.* An Association of special abilities with juvenile manic-depressive illness // *Obler Loraine K., Fein Deborah.* The Exceptional Brain: Neurophysiology of Talent and Special Abilities. New York: Guilford Press, 1988. P. 387–395; *Andreasen Nancy C., Glick Ira D.* Bipolar affective disorder and creativity. Implications and Clinical Management // *Contemporary Psychiatry.* 1988. V. 28. P. 207–217.
  - 30 *MacGregor John M.* The Discovery of the Art of the Insane. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 175.
  - 31 *Jamison Kay R.* Touched with Fire: Manic-Depressive Illness and the Artistic Temperament. New York: Free Press, 1993.
  - 32 Там же, с. 5.
  - 33 *Левенфельд Л.* О духовной деятельности гениальных людей вообще, и великих художников – в частности: Пер. Э.М. Зиновьевой / Под ред. Крогуса А.А. СПб.: Прокгауз-Ефрон, 1904. С. 122.
  - 34 *Rothenberg Albert, MD.* Creativity and Madness: New Findings and Old Stereotypes. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1990. P. 150; См. также: *Becker George.* Review of Kay Redfield Jamison "Touched with Fire: Manic-Depressive Illness and the Artistic Temperament" // *J. of the History of the Behavioral Sciences.* 1996. V. 32 (January). P. 147–151.
  - 35 Цит. по: *Soloway Richard A.* Demography and Degeneration: Eugenics and the Declining Birthrate in Twentieth-Century Britain. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1990. P. 57.
  - 36 *Hildebrandt Kurt.* Norm und Entartung der Menschen. Dresden: Sibyllenverlag, 1923; Рец. Т.И. Юдина // *Русский евгенический журнал.* 1924. № 1. С. 72.
  - 37 Евгенический отдел Института экспериментальной биологии. Генеалогические таблицы // *Архив РАН.* Ф. 450. Оп. 4. Ед. хран. 26. Л. 115–116.
  - 38 Родословные // *Архив РАН.* Ф. 450. Оп. 4/1001. Ед. хран. 26. Евгенические заметки. Русское евгеническое общество в 1923 г. // *Русск. евгенич. журн.* 1924. № 1. С. 60–66.
  - 39 *Сахаров В.В.* Разбор музыкальных генеалогий, собранных на евгеническом семинарии профессора Кольцова // *Русск. евгенич. журн.* 1924. № 2–3. С. 117–125; *Филипченко Ю.А.* Наши выдающиеся ученые // *Известия Бюро по евгенике.* 1922. № 1. С. 22–38; Он же. Результаты обследования ленинградских представителей искусства // *Известия Бюро по евгенике.* 1924. № 2. С. 5–28.

- 40 *Галачьян А.Г., Юдин Т.И.* Опыт наследственно-биологического анализа одной маниакально-депрессивной семьи // Русск. евгенич. журн. 1924. № 3–4. С. 321–342.
- 41 *Филипченко Ю.А.* Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга // Известия Бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 5–22; *Дьяконов Д.М. и Лус Я.Я.* Распределение и наследование специальных способностей // Известия Бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 72–104.
- 42 *Сегалин Г.В.* Патогенез и биогенез великих людей // Клинич. архив. 1925. № 1. С. 24–90 (28–29).
- 43 *Попов Н.В.* К вопросу о связи одаренности...
- 44 *Kretschmer Ernst.* The Psychology of Men of Genius. Transl. By R.V. Cattell. London: Kegan Paul, 1931. P. 16.
- 45 *Выготский Л.С., Зиновьев П.М.* Гениальность // Большая медицинская энциклопедия. Москва: Сов. энциклопедия, 1929. Т. 6. С. 612–615 (614).
- 46 *Форель Огюст.* Эвропатология и евгеника // Клинич. архив. 1928. № 1. С. 51.
- 47 Биографический очерк о Сегалине см. в: *Соркин Ю.* Поливалентный человек // Наука Урала. 1992. № 12. С. 4–5.
- 48 *Сегалин Г.В.* Институт гениального творчества. Проект организации международного института по изучению гениального творчества // Клинич. архив. 1928. № 1. С. 53–60.
- 49 Там же. С. 55–56.
- 50 Сегалин перефразировал неологизм того времени – “собесы” – т.е. отделы социального обеспечения. Там же. С. 58.
- 51 В комиссию вошли уважаемые имена – художник Василий Кандинский, литературовед Ю.И. Айхенвальд, психолог Н.А. Рыбников, психиатр и психоаналитик И.Д. Ермаков. Но, вероятно, из-за тягот послереволюционного времени и того, что Сегалин жил далеко от Москвы, работать комиссия так и не начала. См.: *Вольфсон Б.А.* “Пантеон мозга” Бехтерева и “Институт гениального творчества” Сегалина // Клинич. архив. 1928. № 1. С. 52.
- 52 *Weindling Paul.* Health, Race and German Politics Between National Unification and Nazism, 1870–1945. Cambridge University Press, 1989. P. 384–385.
- 53 Об истории евгеники см.: *Keyles Daniel J.* In the Name of Eugenics: Genetics and the Uses of Human Heredity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.
- 54 О евгенике в России см.: *Adams Mark B.* Eugenics in Russia, 1900–1940 / Eds. M.B. Adams. The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil and Russia. New York: Oxford University Press, 1990. P. 153–216.
- 55 См.: *Сироткина И.Е.* Гений и политика: взгляд историка на дискуссию об “интеллекте будущего” (в печати).
- 56 *Lombroso Cesare.* The Man of Genius. London: Walter Scott, 1891.
- 57 Из немногих исследований отметим *Karlsson J.L.* Genetic association of giftedness and creativity with schizophrenia // *Hereditas*. 1970. V. 66. P. 172–182.
- 58 *Maudsley Henry*, цит. в.: Peter Barham. Schizophrenia and Human Value: Chronic Schizophrenia, Science and Society. London: Free Association Books, 1993. P. 17.
- 59 См. *Mac Gregor* op. cit.; *Сироткина И.Е.* Понятие “творческая болезнь”... (в печати).
- 60 *Réja Marcel.* L’Art chez les Fous. Paris, 1907.
- 61 *Карпов П.И.* Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники. М.–Л.: Госиздат, 1926. С. 116.
- 62 *Hasenfus N., Magaro P.A.* Creativity and schizophrenia: An equality of empirical constructs // *British Journal of Psychiatry*. 1976. V. 129. P. 346–349; *Keefe J.A., Magaro P.A.* Creativity and schizophrenia: An equivalence of cognitive processing // *J. of Abnormal Psychology*. 1980. V. 89. P. 390–398.
- 63 *Jaspers Karl.* Strindberg and Van Gogh / Transl. O. Grunow, D. Woloshin. Tucson: University of Arizona Press, 1977.
- 64 *Sass Louis A.* Madness and Modernism: Insanity in the Light of Modern Art. Literature, and Thought. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.
- 65 *Rotenberg.* Op. cit. P. 15–23.

GENIUS AND MADNESS: TO THE HISTORY OF AN IDEA

I. E. Sirotkina

Cand. sci. (psychology), sen. res. ass., MINST, Moscow

The attempts of specialists from different spheres of knowledge to correlate genius with some peculiarities of brain and mental activity are discussed from historical point of view. Two main positions are described. The first one considers the nature of genius as irrational and similar to mental disease. The second one relates genius to a deeper and non-traditional perception of the world but not to pathology.

Key words: genius, eugenics, mental patients, “archangel” type of thinking.

СПЕЦИФИКА НЕПРЕДНАМЕРЕННОГО ЗАПОМИНАНИЯ ИНФОРМАЦИИ И АНТИЦИПАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ НЕВРОЗОГЕНЕЗА

© 2000 г. В. Д. Менделевич*, В. Т. Плещинская**

* Доктор мед. наук, зав. кафедрой мед. и общей психологии Казанского государственного университета
** Зав. патопсихологической лаб. Казанской городской психоневролог. больницы

Приводятся результаты клинко-психопатологического и экспериментально-психологического обследования. Описываются выявленные клинически невротические мнестические феномены в виде нарушений непреднамеренного запоминания жизненных событий и собственных прогнозов, приводятся результаты специальных психологических экспериментов, подтвердивших тот факт, что показатели непреднамеренного запоминания у больных неврозами существенно отличаются от показателей психически здоровых людей. Делается вывод о том, что невротические мнестические феномены входят в структуру антиципационных механизмов неврозогенеза.

Ключевые слова: неврозогенез, мнестические нарушения, непреднамеренное запоминание.

Психологический подход стал использоваться при изучении механизмов формирования невротических, соматоформных и связанных со стрессом расстройств относительно недавно, постепенно замещая традиционный психиатрический [2, 3, 9, 18, 23]. Исследование мнестических особенностей больных неврозами, а также оценка роли функционирования памяти в механизмах неврозогенеза не относятся в настоящее время к темам, вызывающим научные споры. В силу традиционных воззрений на неврозообразование мнестическим процессам отводится патопластическая роль [9, 20, 23 и др.]. Анализу подвергается лишь роль патологических эмоциональных состояний в генезе “мнестического дефекта” больных, страдающих неврозами [4].

Однако клинические наблюдения и ряд патопсихологических экспериментов последних лет указывают на то, что значение особенностей функционирования памяти в генезе невротических и в целом пограничных психических расстройств может выходить за патопластические рамки. Это связано с генетически заданными церебральными особенностями личности (в том числе мнестическими), специфической нейродинамической организацией мозговых структур, которая подразумевает хранение личностью информации (жизненного опыта) и свойственных ей высших психологических установок [1]. Все вышеперечисленное включается в понятие почвы, которая способствует формированию непсихотических нарушений и при некоторых состоя-

ниях, например, у психопатических личностей блокирует полноценную адаптацию в силу невозможности использовать прошлый опыт [5].

Ранее нами на основании многолетних клинко-психопатологических и экспериментально-психологических исследований была выдвинута, апробирована и обоснована антиципационная концепция неврозогенеза [14–18]. Было отмечено, что в механизмах неврозообразования этиопатогенетическую роль играют особенности функционирования вероятностного прогнозирования и антиципации. Одним из наиболее значимых для невротического симптомообразования оказался факт малой прогнозируемости человеком, заболевшим неврозом, психотравмирующих событий, что отличало его по данному параметру от “неврозоустойчивых” людей. Вследствие “неожиданности” воздействия психотравмирующего агента и появления антиципационно обусловленных аффективных феноменов (обиды, разочарования, недоумения), система психокоррекции и копинг-процесс включаются с запаздыванием, на фоне выраженных эмоциональных расстройств. Все это приводит к срыву адаптационных механизмов и невротическим симптомам. Учитывая полученные в предыдущих исследованиях данные, был поставлен вопрос о процессах, ответственных за построение вероятностного прогноза на базе прошлого опыта человека, и механизмах игнорирования этого опыта (в первую очередь, мнестических).